

Валентин Бобрецов

Это самое

Избранные стихотворения

СПбОО «Союз писателей Санкт-Петербурга»
«Геликон Плюс»

Санкт-Петербург · 2013

Вторая рапсодия

Памяти Михая Варги

Воздевая, будто жрец Ваала,
руки к светодарной высоте,
чтоб за грудь почти без интервала
ухватиться правою затем —

полудохлый маленький комочек,
кубарем скатившийся с вершин,
сердце, сердце, аленький цветочек
на багровый гаршинский аршин,

в день, когда болотное алоэ
под рукой садовника Шарло
обнажает наглое и злое
в лепестках сокрытое жерло,

припадая, как сипай к орудью
(чьей волей — не об этом речь),
затыкая низкорослой грудью
в небе обнаруженную течь,

ожидая будущего вдоха,
как стрелы иль взмаха палаша,
возлежать невдалеке от Бога,
валидол под жало положа:

— Боже правый! — и не оттого ли
правый, что когда на правый бок
повернешься, лишь тогда от боли
избавляет ненадолго Бог?..

145

То утихнет, то вдруг часто-часто,
словно на арене цирковой,
замолотит — что ты расстучался,
барабанщик с заячьей губой?

Отпускает — и опять колотит,
и никак не хочет перестать,
маятником (будет и колодец!)
в клетке ребер обер-арестант.

Что ты хочешь, каторжник отпетый,
что желаешь выслушать-сказать?
И какой такой Ответ Ответов
на Вопрос Вопросов услышать?

Между нами костяные стены.
Но, поверь, и без того солгу,
потому что правду, как и все мы,
на последний выдох берегу.

Свой участок хаоса не ты ли
содержать в порядке полагал,
тучи мелкотравчатые пыли
поднимая к тучам-облакам.

Только — чу! — томителен и горек
высоты нездешнего литья
зазвенел небесный треугольник
в оркестровой яме бытия.

И плеснули, и блеснули черным
гладкие холодные зрачки.
И, как потревоженные пчелы,
загудели низкие смычки.

146

И под этот бально-погребальный
слезоиспускательный мотив
(так и будет) медальон овальный,
крест нательный — промотав, спустив, —

на мундире юнкера безусого
ржавый лист, сезонный некролог
(так и будет) славно побезумствовал,
вот и хром на левое крыло:

так и будет, ибо, сбитый с толку
музыкой осенних журавлей,
у соседа одолжишь двустволку
да немного дробин покрупней

(это ведь нагадано на картах
полушарий головы дурной,
да и ворон эдгаров накаркал,
в Холмогоры воротясь весной)

и придав лицу и жесту важность,
будто даже в помыслах высок,
посягнуть на сердце не отважась,
разрядишь оружие в висок.

Но пока, присев на край лафета,
для профита — и здоров, и цел, —
как бы мог (см. Толстой про Фета)
только очень тучный офицер,

наливая всякий раз до риски,
но имея виды на Синай,
то есть нарежаясь по-арийски
под цыганский Интернасьональ,

147

шествуя по грани сна и яви,
где (мостов, что спичек сожжено!)
слышно Хари Кришна, хари навьи
видно, где, как видно, суждено,

ослабляя аполлонов пояс,
отстегнув ненадобный колчан,
высмотреть в полях лодейнопольских
платиновый панночкин кочан,

и качнутся ели островерхие —
любо им в одном огне согреться
с падубами ржечи, австрорвенгрии,
швеций, жнеций и вдуудигреций.

Ангел сизокрылая, легка мне
гибель в твоей крашеной красе.
И чтоб сердце утопить в стакане,
расстегни спасательный корсет.

Ветер в трех соснах берез осиновых
пляшет, как крещеный ирокез.
И не снявши рукавиц резиновых,
некто в Белом машет на оркестр.

Тучи, точно мысли невропата,
высотой 20 000 Hertz.
Мертвый Лист. Рапсодия распада.
Черный шабаш чардаша. Конец